

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 452–459

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 452–459

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-452-459>, EDN: BUHTQD

Научная статья

УДК 72.071.1(470-25)|1941/1945|

Московские архитекторы в период Великой Отечественной войны

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Горлов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических наук и архивоведения, gorlov812@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-0601>, AuthorID: 954278

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении творческих достижений московских архитекторов в годы Великой Отечественной войны. Московские архитекторы внесли бесценный вклад в военно-оборонное строительство, строительство многочисленных эвакуированных и новых промышленных предприятий на востоке страны, восстановление разрушенных войной городов.

Ключевые слова: восстановление, жилищное строительство, архитектура, градостроительство, ансамбль, Великая Отечественная война, проектирование

Для цитирования: Горлов В. Н. Московские архитекторы в период Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 452–459. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-452-459>, EDN: BUHTQD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Moscow architects during the Great Patriotic War

V. N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, building 1, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Vladimir N. Gorlov, gorlov812@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9987-0601>, AuthorID: 954278

Abstract. The aim of the research is to study the creative achievements of Moscow architects during the Great Patriotic War. Moscow architects made an invaluable contribution to military-defense construction, the construction of numerous evacuated and new industrial enterprises in the east of the country, and the restoration of cities destroyed by the war.

Keywords: restoration, housing construction, architecture, urban planning, ensemble, Great Patriotic War, design

For citation: Gorlov V. N. Moscow architects during the Great Patriotic War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 452–459 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-452-459>, EDN: BUHTQD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Московские архитекторы в годы войны боролись с врагом в рядах Красной армии и самоотверженно трудились в тылу. Основным программным документом перестройки деятельности московских архитекторов в соответствии с требованиями военного времени стало «Обращение правления Союза советских архитекторов СССР к республиканским, краевым, областным и городским отделениям», принятое 27 июня 1941 г. и подписанное ответственным секретарем Союза советских архитекторов СССР (ССА СССР) К. С. Алабяном [1, с. 8–10]. Союз архитекторов в предвоенное и военное время, вплоть до создания в 1943 г. Комитета по делам архитектуры, руководил зодчеством в масштабе страны,

направляя энергию архитекторов на решение задач, которые ставило перед ним государство.

С первых дней Отечественной войны Академия архитектуры, ССА СССР, Управление проектирования, Управление планировки и др. организации, где работали значительные силы архитекторов, объединились с тем, чтобы, перестроившись, немедленно принести пользу в обороне Москвы. Президиум Правления ССА СССР предложил всем республиканским, краевым, областным, городским организациям ССА немедленно коренным образом перестроить всю свою работу, подчинив её всецело задачам обороны советского государства [2, с. 69–71].

19 октября 1941 г. Государственный комитет обороны издает Постановление «О введении

осадного положения в Москве и прилегающих к городу районах» [3, с. 1–2]. Союз архитекторов, Академия архитектуры, Управление проектирования, Управление планировки Моссовета и другие организации объединили свои усилия в деле обороны столицы.

Оперативная группа Центральной военной оборонной комиссии СССР утвердила решение о создании в Москве Штаба руководства практическим осуществлением маскировочных работ в городе и области. К маскировке приступили немедленно. Наряду с конкретными маскировочными работами многому учились, слушали лекции военных специалистов и на практике немедленно осуществляли в натуре маскировочные работы крупных промышленных предприятий и отдельных частей города. Центральная проектно-маскировочная мастерская готовила кадры для проведения маскировочных работ в Баку, Тбилиси, Махачкале, Казани, Саратове, Иванове, Ярославле, Хабаровске, Сталинграде [4, с. 116].

Московские архитекторы разбились на специальные группы. Одна из значительных групп создавалась из ведущих архитекторов и начала работать по маскировке. Вторая группа специалистов архитекторов и инженеров приступила к работе по проектированию и строительству убежищ и других объектов МПВО (местная система оборонных мероприятий по противовоздушной обороне, осуществлявшихся местными органами власти под руководством военных организаций).

Многие из московских архитекторов (К. С. Алабян, А. М. Заславский, Л. О. Бумажный, Н. Д. Колли, З. М. Розенфельд, Б. М. Иофан, Г. И. Глущенко и др.) проявили большое мужество, выдержку и способности прекрасных организаторов. Архитектор И. И. Ловейко (вторая Архитектурно-проектная контора АПУ) работал на баррикадах Волоколамского направления и проявил себя прекрасным начальником участка. В сложной обстановке он вовремя организовал работы и закончил их в установленный срок. Молодые талантливые архитекторы М. В. Посохин и А. А. Мндоянц оказались прекрасными специалистами по проектированию убежищ, газоубежищ, дегазационных станций. Архитекторы совместно с инженерами работали в сложных военных условиях начальниками строительных участков, техническими инспекторами, проектировали объекты оборонных сооружений, восстанавливали шахты подмосковного угольного бассейна, занимались ликвидацией последствий вражеских бомбардировок [5, с. 89–90].

Архитекторы АПУ и других организаций вместе с населением вышли на строительство оборонных линий города Москвы. Маскировщики-архитекторы также вышли на строительство укрепрайонов и совместно с командованием

вели маскировочные работы всех видов фортификаций и огневых сооружений.

Из архитекторов и инженеров управления и Штаба МПВО г. Москвы была организована специальная Отдельная рота технической разведки. Во время воздушной тревоги на техническую разведку возложены были ответственные функции. Во время налётов и поражения вражескими бомбами архитекторы и инженеры обязаны были немедленно выезжать на очаги поражения и вместе с бойцами МПВО ликвидировать опасные завалы и спасать пострадавших людей, а в дальнейшем составлять техническую документацию очагов поражения для очистки и восстановления данных объектов [6, с. 54–56].

Значительные группы московских архитекторов работали в Свердловской, Челябинской, Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае, Башкирской АССР, в республиках Средней Азии, в Чкаловской области (так именовалась Оренбургская обл. с 1938 по 1957 г.) и др. При их участии разрабатывались проекты жилых посёлков при промышленных предприятиях, зданий культурно-бытового характера, а также и самих производственных построек [7, с. 111–113].

За время с начала войны Академия архитектуры СССР сумела переключить свою работу на обслуживание нужд строительства на востоке страны, вызванного обстоятельствами военного времени, и организационно не только сохранила свой научный аппарат, но, связав свою научную работу с интересами строительства в основных периферийных центрах, консолидировала вокруг себя новые научные силы и поставила разработку ряда научно-исследовательских проблем, связанных с задачами восстановления разрушенных районов и имеющих большое народно-хозяйственное значение.

По инициативе Академии архитектуры было предпринято массовое строительство для эвакуированного населения в восточной части СССР. Связавшись через своих уполномоченных с местами, Академия архитектуры содействовала расширению производства местных строительных материалов и изучению их ресурсов в стране. Свою деятельность институты вели в тесной взаимосвязи с организованными и руководимыми Академией группами архитекторов-консультантов, работавших в ряде краевых и областных центров страны [8, с. 86–89].

Правление Союза советских архитекторов явилось инициатором и организатором истреда важнейших совещаний по массовому строительству, на которых архитекторы Москвы и их коллеги – представители местных отделений – обменивались опытом проектирования и строительства в условиях военного времени.

Конец 1941 г. ознаменовался решительным контрнаступлением советских войск под Москвой. В 1942 г. советские архитекторы

анализировали опыт первых месяцев войны, наметили обширную и многоплановую программу дальнейших работ. Союз архитекторов оказал большую помощь многим государственным организациям, занятым восстановлением. С начала 1942 г. при Всесоюзном правлении ССА СССР организуется Комиссия по восстановительному строительству. В январе 1942 г. был организован Комитет научно-технического содействия восстановлению хозяйства, разрушенного немецкими оккупантами. Комитет организовал выезд бригад в Волоколамск, Елец, Можайск, Калугу, Малоярославец, Рузу, Яхрому, Клин [9, с. 92].

В начале 1942 г. Союз архитекторов выступил за подготовку к послевоенному капитальному строительству. Предвидя то, что строительство после войны приобретёт большие масштабы, будет вестись напряженными темпами, архитекторы высказались за то, чтобы заблаговременно приступить к изготовлению типовых проектов массового строительства, учитывая при этом опыт проектирования в первые месяцы войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1942 г. разработка предварительных проектов восстановления разрушенных городов, посёлков и колхозов была сосредоточена в Институте градостроительства и планировки населенных мест Академии архитектуры. Институт выполнил проекты восстановления Истры. Мастерская Л. В. Руднева составила проект восстановления посёлка Теряева слобода Волоколамского района с включением в композицию посёлка восстановленного Иосифо-Волоколамского монастыря. Над проектом планировки посёлка Красная поляна работала бригада И. А. Голосова [10, с. 146–149].

В 1942 г. СНК СССР утвердил временное положение об учреждении Комиссии по учету и охране памятников искусства. Основными задачами Комиссии в период Отечественной войны были учет разрушений и повреждений, причиненных памятникам искусства, принятие мер к охране памятников искусства в прифронтовой полосе и в освобожденных от оккупации городов и районов, подготовка материалов к реставрации разрушенных и поврежденных памятников [11, с. 4].

Специальные бригады архитекторов, организованные комиссией и её отделами, Академией архитектуры, секциями Союза архитекторов, вели учет разрушений и повреждений, причиненных памятникам искусства. В 1942 г. бригады московских архитекторов выезжали в районы, освобожденные от оккупации, составляли акты о причиненных разрушениях, проводили фотосъёмку, зарисовку, детальные обмеры памятников. В 1942 г. была выполнена одна из первых проектно-реставрационных работ – проект восстановления Ново-Иерусалимского монастыря. В порядке общественного

содействия охране памятников зодчества архитекторы осуществляли шефство над отдельными памятниками в ряде городов. Московские архитекторы в 1942–1943 гг. провели обмеры десятков ценнейших памятников Москвы и Подмосковья. Важной работой Академии архитектуры и секций Союза архитекторов явилась научная паспортизация памятников архитектуры народов СССР. В годы войны Академия подготовила и опубликовала ряд выпусков «Сообщений» о деятельности в области охраны памятников архитектуры [12, с. 13–14].

1943 г. принёс советскому народу радость первых значительных побед. 2 июля на заседании Президиума Правления ССА СССР рассматривался вопрос «Об участии архитектурных сил в восстановлении Сталинграда» [13, с. 17].

Разработку проекта Сталинграда возглавил крупный общественный деятель государственного масштаба – К. С. Алабян. В других мастерских Академии архитектур (В. Г. Гельфрейха, Б. М. Иофана, Л. В. Руднева, А. В. Щусева, Г. П. Гольца) проектировался общественный центр города с монументом героическим защитникам. Генеральный план Сталинграда рассматривался в Госплане СССР, был утвержден СНК Союза ССР и на много лет вперед определил развитие города, ансамбли которого могут по праву считаться памятниками советской архитектуры [14, с. 30].

В самом проекте планировки нашел отражение ряд научно обоснованных положений по общим принципам градостроительства. Сталинград, став символом Победы, становился и символом восстановительного строительства. Его проектирование приобретало ещё один, возможно, в условиях войны самый главный аспект – идеологический.

Важнейшей задачей, которую К. С. Алабян ставил при проектировании, было коренное изменение планировочной структуры города, исправление исторически сложившихся её недостатков. Ключевым понятием для К. С. Алабяна становится ансамбль – «единный архитектурный ансамбль города». Понятие «ансамбль» было вообще ключевым для советской архитектуры предвоенного времени. Оно определяло творческие усилия зодчих при решении самых разноранговых архитектурных задач – от проектирования отдельного здания и площади до города в целом. На ансамблевость направлял зодчих и Союз советских архитекторов, возглавляемый К. С. Алабяном [15, с. 83–84]. В соответствии с новыми задачами усложнялась организационная структура Союза архитекторов. При правлениях ССА СССР формировались новые комиссии и секции по восстановительному строительству

С 1943 г. началось широкое развертывание проектных работ по восстановлению и реконструкции населенных мест Подмосковья. При

подготовке проектов учитывалась возможность улучшения планировочной структуры городов, четкого зонирования территорий, создания новых ансамблей улиц и площадей. Но при всем этом не забывались историческая специфика, взаимоотношение строящихся новых зданий с древней архитектурой, сохранение и развитие планировочных особенностей.

До основания был разрушен и сожжен город Истра. Жестоко пострадали Верея, Руза, Наро-Фоминск и многие другие населенные пункты. В городах Подмосковья были уничтожены 12 тыс. жилых зданий. Нацисты разграбили дом-музей П. И. Чайковского в Клину, взорвали выдающийся памятник русского зодчества XVII в. – Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в Истре, в Можайском районе сожгли Бородинский музей, в Звенигородском – бывший дворец Олсуфьевых в селе Ершове. Общий ущерб, нанесенный нацистами экономике Подмосковья, составлял около 30 млрд руб. Были сделаны обмеры уцелевших частей Ново-Иерусалимского монастыря, а в течение зимы 1943 г. бригада Академпроекта под руководством А. В. Щусева исполнила восстановительные чертежи всех монастырских построек. Говоря о восстановительном строительстве, нельзя забывать о том, что Москва на протяжении нескольких месяцев была прифронтовым городом. Многочисленные налеты вражеской авиации нанесли столице немалый ущерб. 1682 здания в Москве были разрушены полностью или частично, более 400 зданий повреждены, срочного ремонта требовали водопровод и канализация. В Москве была разрушена Книжная Палата (быв. Дом Гагарина, 1817 г.) – жемчужина Московского ампира; пострадали театр имени Евгения Вахтангова, Большой театр и др. замечательные памятники архитектуры [16, с. 582–583]. Пафос восстановительного строительства органично включал в себя ликвидацию нанесенного урона, озеленение и благоустройство центра, строительство кольцевой линии метрополитена.

21 августа 1943 г. Советом народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) было принято Постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В Постановлении отмечалось: «Считать неотложной задачей партийных и советских организаций Курской, Орловской, Воронежской, Калининской, Сталинградской, Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев является восстановление и постройка новых жилых домов из местных строительных материалов в селах, городах и рабочих поселках, освобожденных от немецкой оккупации» [17, с. 156–162].

29 сентября 1943 г. Совет народных комиссаров принимает постановление «Об образовании Комитета по делам архитектуры»

[18, с. 1]. На новый правительственный орган возлагалось объединение деятельности всех ведомств по планировке городов, по архитектурному проектированию, утверждению генеральных планов городов, восстановлению исторических архитектурных памятников. В декабре 1943 г. М. И. Калинин выступает в печати со статьей «Большая общенародная задача», в которой намечает программу будущих восстановительных работ [19, с. 1].

Московская группа Академии архитектуры под руководством К. С. Алабяна, до возвращения Академии архитектуры в августе 1943 г. из эвакуации, проблеме восстановительного строительства уделяла основное внимание. Творческие мастерские Академии приступили к проектам реконструкции крупнейших городов, пострадавших в результате военных действий. Мастерская Г. П. Гольца была занята проектом восстановления Смоленска. А. В. Щусев возглавил работу мастерской Комитета по делам архитектуры над проектами восстановления Новгорода. Мастерская Н. Н. Семенова работала над восстановлением Ростова-на-Дону, Б. М. Иофана – Новороссийска, Н. Д. Колли – Калинин, Л. В. Руднева – Воронежа, М. Я. Гинзбурга – Севастополя, группа А. К. Бурова – Ялты [20, с. 11–14].

Творческие мастерские Академии архитектуры работали по заданию Президиума Академии архитектуры и Комитета по делам архитектуры над проектированием ряда восстанавливаемых городов и над отдельными научными и творческими проблемами. Творческая мастерская академика В. А. Веснина закончила работу по созданию альбома малометражных экономических квартир, одноэтажных и двухэтажных жилых домов на основе тех принципов, которые были выработаны в Академии архитектуры [21, с. 34].

Проекты институтов и мастерских Академии архитектуры экспонировались на выставке «Героический фронт и тыл», открывшейся в Государственной Третьяковской галерее в ноябре 1943 г. [22, с. 29–33].

В сентябре 1942 г. московское отделение ССА СССР приняло постановление о проведении открытого конкурса на проекты памятников героям Великой Отечественной войны. Составление программы и решение других вопросов, связанных с объявленным конкурсом, взяла на себя Секция истории, теории и критики МО ССА [23, с. 376]. 26 сентября 1943 г. газета «Литература и искусство» поместила объявление о конкурсе [24, с. 4]. От московских скульпторов и архитекторов поступило около 90 работ [25, с. 4].

В марте 1943 г. архитектор Н. Колли сообщил о работе НИИ общественных и промышленных сооружений над проектированием памятников Великой Отечественной войны и об ор-

ганизации в Союзе архитекторов специального изучения вопросов мемориальной архитектуры [26, с. 1]. В апреле конкурс был объявлен законченным. 17 апреля 1943 г. газета «Литература и искусство» опубликовала результаты конкурса под заголовком «Монументы героям» [27, с. 4].

В 1942 г. была открыта новая станция московского метрополитена «Завод имени Сталина». Архитектор А. Н. Душкин определил единую идею архитектурного ансамбля – героика Отечественной войны и героика труда, выражающая мощь нашего народа [28, с. 1]. В 1943 г. были открыты ещё две станции Горьковского радиуса: «Новокузнецкая» и «Павелецкая». В 1943–1944 гг., была введена в эксплуатацию третья очередь Московского метрополитена, продолжавшая Арбатско-Покровский радиус от Курского вокзала до Измайлова и образовавшая третью диаметральною линию метрополитена длиной 16 км. Вступили в строй четыре станции: «Бауманская», «Электrozаводская», «Семеновская», «Измайловская». Четвёртая очередь метро проходит под улицами и площадями города, соединяя 18 районов столицы, семь крупнейших вокзалов (которые появились примерно на столетие раньше метро). Двенадцать станций Кольцевой линии расположены в местах, где особенно велики потоки пассажиров и ощутима потребность в быстром, бесперебойно действующем транспорте. Общая протяженность сети достигла 60 км [29, с. 13].

Наземные павильоны станций первой очереди Большого кольца были объединены общей темой героической Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Все они в той или иной мере были вариациями на тему триумфальной арки. Пожалуй, наиболее убедительную её версию предложил Л. М. Поляков в наземном павильоне станции «Калужская» (ныне «Октябрьская»).

Поиски средств выразительности, способных передать ощущение триумфа, ликующего праздника, привели в архитектуре подземных вестибюлей к пышности, почти дворцовой роскоши. Изобилие произведений монументально-декоративного искусства, изощренная работа со светом резко отличали станции Большого кольца от станций первой – третьей линий Московского метрополитена, казавшихся теперь скромными. В архитектуре станции «Комсомольская» тема Победы прозвучала особенно громко. Станция стала кульминацией развития темы победоносной войны в оформлении кольцевой линии Московского метрополитена.

9 мая 1945 г. страна праздновала день беспримерной исторической победы, а 13 мая на торжественном заседании Правления Союза советских архитекторов СССР было сделано обращение «Ко всем архитекторам Советского Союза». «Правление Союза советских архитекторов СССР, – говорилось в нем, – призывает

всех своих членов, все архитектурные силы страны отдать свой творческий опыт, свое искусство и знания восстановительному строительству и считать себя мобилизованными на этом фронте. Будем помнить, что в предстоящие годы слово “строить” будет звучать так же гордо, как в героическую пору войны звучало слово “воевать”» [30, с. 1–2].

Наряду с проектами восстановления городов, активно велось проектирование массовых сооружений, в том числе малоэтажных жилых домов. Было понятно: пока идёт война и в первые годы после её окончания (этот отрезок времени оказался значительно менее протяженным, чем считали многие) дефицит строительных материалов, средств, рабочих рук приведёт к значительному развитию именно этих видов строительства. Во многих проектах восстановления городов специально предусматривались площадки для малоэтажной застройки. В Сталинграде такая застройка не только проектировалась, но и была в значительной степени реализована [31, с. 34].

М. Я. Гинзбург во время войны возглавлял в академии сектор типизации и индустриализации строительства, где разрабатывал серию малоэтажных жилых домов для южных районов. Основная задача, которую ставил перед собой М. Я. Гинзбург – не только выявить все возможные типы одно-двухэтажных жилых домов, но и стандартизировать планировочные и конструктивные элементы, из которых они komponуются. Создание серии малоэтажных жилых домов явилось прямым развитием идеи стандартизации, выдвинутой архитектором ещё в двадцатые годы [32, с. 83].

Этап подготовки к послевоенную будущему – очень важная веха в истории нашей архитектуры. Архитекторы в буквальном смысле слова готовились к творчеству. Интересы К. С. Алабяна затрагивают теперь всю сферу архитектурно-строительного дела. В 1944 г. он создает в Академии архитектуры комиссию по научно-техническим проблемам строительства, деятельность которой привела в конечном итоге к принятию правительственного решения о пятилетнем плане развития строительной промышленности. Включение архитектуры в общественную жизнь, в народное хозяйство стало одним из самых ярких примеров созидательной роли архитектуры в развитии общества [33, с. 22].

Отечественная война поставила перед всеми видами искусства, особенно перед архитектурой, проблему больших монументальных произведений. Необходимо было особое внимание со стороны архитекторов к ведущим общественным сооружениям и тем новым видам сооружений, появление которых вызывается войной: памятников, триумфальных арок, монументов, памятников-музеев.

Все четыре военных года Москва ни на минуту не переставала быть столицей. Это во многом определяло жизнь города, когда он был прифронтовым и когда мог считаться городом тыловым. Столичная особенность Москвы накладывала свой отпечаток и на деятельность тех государственных учреждений и творческих организаций, которые оставались в городе на всё время войны, и на тех, которые оказались в эвакуации.

Академия архитектуры, пребывая в течение двух лет в Чимкенте, сохраняла ту миссию, которая возлагалась на нее как на единственное в своём роде учреждение, призванное решать (кроме великого множества повседневных и неотложных проблем тыла и фронта) и стратегические задачи – восстановление городов и народного хозяйства.

Московские архитекторы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, занимались маскировкой многочисленных, в том числе и московских, объектов, участвовали в проектировании и возведении самых разных зданий и сооружений в восточных районах страны. В деле же восстановления городов, разрушенных во время войны, роль архитектуры была особой. Московские архитекторы в этой ситуации несли как бы двойную нагрузку: активно включились в многогранную проектную работу над восстановлением советских городов, одновременно думая и о будущем столицы.

Творческий опыт московских зодчих (К. С. Алабян, А. К. Буров, М. Я. Гинзбург, Г. П. Гольц, А. В. Щусев и др.) в годы войны – пример того, чем жила профессия в трудное военное время, над чем работали архитекторы, с твердой верой заглядывая в завтрашний, послевоенный день. При закреплении городов за мастерскими учитывались и личные качества их руководителей, и опыт предвоенной работы. Недаром проект восстановления Новгорода был поручен старейшему советскому зодчему – А. В. Щусеву, знатоку и ценителю древнерусской архитектуры [34, с. 167].

Все проекты архитекторов выполнялись с удивительной творческой самоотдачей. Но как бы ни были различны проекты городов, выполненные К. С. Алабяном, А. К. Буровым, М. Я. Гинзбургом, Г. П. Гольцем, А. В. Щусевым и др., как бы ни отличались друг от друга исходные позиции и установки авторов, все эти проекты, в сущности, концентрируют представления каждого из них об идеальном городе, городе послепобедного будущего. Творческий потенциал архитектуры в этот период был особенно сконцентрирован на наиболее ответственной миссии архитектуры – видеть и проектировать будущее. Исключительно высока была роль столичной архитектуры.

В проектах восстановления разрушенных городов, которые на десятилетия определили на-

правление развития отечественного зодчества, содержательная роль предназначалась центрам, где концентрировались образные представления о городе, в них с особой силой прозвучала тема памяти. Тема мемориала, тема памяти, тема героических подвигов не имела временных ограничений. Тема памяти стала одной из ведущих в советской архитектуре военного времени. Необходимо обратить внимание, что во всех проектах мемориалов, будь то небольшой обелиск или крупный архитектурный ансамбль, тема памяти безоговорочно доверена архитектуре. Скульптуре и живописи отведена явно второстепенная роль [35, с. 126]. Героика Великой Отечественной войны вызвала к жизни множество произведений монументального искусства, призванных запечатлеть события священной борьбы нашего отечества против немецких захватчиков. Московские архитекторы приняли самое активное участие в создании монументов, посвященных знаменательным этапам нашей обороны и нашей Победы, отдельным её героям – полководцам, командирам, бойцам, гвардейским частям всех родов оружия, партизанам – всем, кто ковал победу на фронте и в тылу.

Понятия, составляющие содержание Победы, имели богатую историческую традицию выражения средствами архитектуры и монументального искусства. Обелиск, пропилеи, триумфальная арка – неперенные атрибуты всех проектов восстановления городов 1943–1945 гг., проектов, фиксирующих общественное сознание в преддверии Победы. Ярко выраженная активная роль архитектуры в этих проектах задала определенную тенденцию, которая в Москве реализуется в высотных зданиях, в строительстве в годы войны кольцевой линии метрополитена, в благоустройстве городских площадей и парков [36, с. 32].

В обстановке близости победы практически любое строящееся сооружение задумывалось и воспринималось как своего рода памятник героическим годам войны. Приметы этого вполне понятного стремления можно обнаружить в самых скромных постройках многих городов – восстановленных или вновь построенных жилых домах, детских садах, промышленных сооружений и т. д. Год 1945 или звезда, или иной общепонятный знак, выложенный на фронтоне кирпичом, точно отсылают нас к тому удивительному времени. Эта тема решалась с большим размахом, когда речь шла о проектировании и строительстве крупных общезначимых сооружений. Так, Ленинградскому путепроводу, построенному в Москве в 1945 г., особый смысл придали фигуры воинов-защитников столицы.

Памятниками Победы осознавались не только отдельные сооружения – каждый восстанавливаемый город воспринимался современниками как ещё одно доказательство силы

и мощи государства. Это выражалось в приёмах постановки развитых в высоту сооружений, фиксирующих наиболее важные в смысловом и композиционном отношении точки плана города. Озеленение охватило буквально все города. Во многих из них закладывались парки Победы, в Москве только весной 1945 г. было высажено свыше миллиона деревьев и кустарников [37, с. 10].

Престиж и миссия архитектуры в обществе были, как никогда, велики. Общество достаточно высоко оценивало возможности зодчества в реализации как социально-функциональных, так и художественно-эстетических задач. Проекты восстановления советских городов наглядно убеждают в том, что архитектура в тот период взяла на себя всегда непростую миссию объединения всех искусств ради общего целого. Это было общим правилом как для архитектуры, так и для общества. Архитекторы и общество в это время были единомышленниками – их мысли находились в полной гармонии.

Список литературы

1. Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг. Документы и материалы / отв. ред. К. Н. Афанасьев. М. : Наука, 1978. 212 с.
2. Ткаченко С. Б. Один век московского градостроительства : в 2 кн. М. : Прогресс-Традиция, 2019. Кн. 1. 376 с.
3. Постановление Государственного Комитета Оборона «О введении осадного положения в Москве и прилегающих к городу районах // Большевик. 1941. № 22. С. 1–2.
4. Колесник А. Н. Советские военные строители. М. : Воениздат, 1988. 301 с.
5. Битва за Москву / отв. ред. А. А. Добродомов. М. : Московский рабочий, 1966. 624 с.
6. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965 / редкол. : Д. В. Дягилев, Н. Г. Егорычев, Г. Д. Костомаров, Ю. А. Поляков, В. Ф. Промыслов, А. М. Синицин, В. И. Степаков, В. М. Хвостов. М. : Наука, 1967. 566 с.
7. Комаровский А. Н. Записки строителя. М. : Воениздат, 1972. 263 с.
8. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. С. К. Куркоткина. М. : Воениздат, 1977. 559 с.
9. Москва : годы обновления и реконструкции: Борьба Моск. гор. парт. организации за осуществление планов развития столицы и превращение ее в образцовый коммунистический город / редкол. : В. Е. Полетаев, М. А. Яшин, Д. В. Дягилев, М. Е. Макаренков, В. С. Шаповалов, Б. И. Еремеев. М. : Моск. рабочий, 1977. 288 с.
10. Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М. : Либроком, 2009. 440 с.
11. Комиссия по учету и охране памятников искусства // Литература и искусство. 1942. 1 авг. С. 4.
12. Чедаева Н. Н. Города Рубежа Славы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 1. С. 13–14.
13. Рябушин А. В. Этапы развития советской архитектуры. М. : Стройиздат, 1979. 55 с.
14. Бархин М. Г. Город 1945–1970. Практика, проекты, теория. М. : Стройиздат, 1974. 207 с.
15. Карлик Л. Б. К. Алабян. Ереван : Айастан, 1966. 108 с.
16. Очерки истории Московской организации КПСС. 1883–1965 / авт. кол. : Ф. Л. Александров, П. П. Андреев, К. И. Буков, И. Н. Васин, Э. Л. Васина, В. П. Григорьев, А. А. Добродомов, Д. В. Дягилев. М. : Моск. рабочий, 1966. 767 с.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет : в 5 т. Т. 3 : 1941–1952 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М. : Политиздат, 1968. 754 с.
18. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об образовании Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР» // Правда. 1943. 30 сент. № 242.
19. Калинин М. И. Большая общенародная задача // Известия. 1943. 10 дек. С. 1.
20. Шкваринов В. А. Задачи государственных органов архитектуры в РСФСР. М. : Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1944. 23 с.
21. Кузнецов С. О. Анализ деятельности по управлению градостроительным процессом в Москве нач. XVIII – конца XX веков // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 1. С. 29–38.
22. Афанасьев К. Н. Архитектурные проекты на выставке «Героический фронт и тыл» // Архитектура СССР. 1944. Вып. 6. С. 29–33.
23. Зубович К. Москва монументальная. Высотки и городская жизнь в эпоху сталинизма / пер. с англ. Т. Азаркович. М. : Corpus, 2023. 480 с.
24. Московская хроника // Литература и искусство. 1942. № 39. С. 4.
25. Монументы героям Отечественной войны // Литература и искусство. 1942. 31 окт. № 44. С. 4.
26. Памятники героям // Литература и искусство. 1943. 6 мар. № 10 (62). С. 1.
27. Монументы героям // Литература и искусство. 1943. 17 апр. С. 4.
28. Душкин А. Н. Подарок москвичам // Литература и искусство. 1943. 1 янв. С. 1.
29. Смолова М. В. Первый этап. Формирование системы метрополитена Москвы // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 2. С. 13.
30. Ко всем архитекторам Советского Союза // Архитектура СССР. 1945. № 10. С. 1–2.
31. Поднятые из руин: Ист. очерки восстановления и развития старейших городов России. 1943–1963 гг. М. : Стройиздат, 1966. 242 с.
32. Курбатов В. В. Советская архитектура. М. : Просвещение, 1988. 203 с.
33. Астафьева-Другач М. И., Волчок Ю. П. Творческие открытия архитектуры военных лет // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 2. С. 22–27.
34. Рябушин А. В. Гуманизм советской архитектуры. М. : Стройиздат, 1986. 372 с.

35. Басс В. Монумент: who controls the past. Об одном механизме архитектурной коммеморации // Социология власти. 2017. № 1. С. 122–155.

36. Королев В. В., Астанин Д. М. Периодизация развития градостроительных паттернов РСФСР (на примере

Москвы) // Архитектура, строительство, транспорт. 2023. № 1. С. 27–35.

37. Астафьева-Другач М. И., Волчок Ю. П. Тема Победы в архитектуре послевоенной Москвы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 4. С. 10.

Поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025